

Витамин С

В Кремлевском дворце прошли гастролы балета Мориса Бежара

Программу «The Best of Bejart» открыли балетами на музыку Стравинского. А перед началом на сцену Кремлевского дворца вышел сам Морис Бежар. «Стравинский принес нам все — в его музыке и модернизм, и классицизм, и вся сила русской культуры», — произнес маэстро. Далее последовал рассказ о первой встрече с великим композитором. О том, как молодой Бежар нес на руках старца Стравинского на концерт. «Так Божья Матерь несла младенца», — заключил балетмейстер. Странное сравнение осталось без продолжения и комментария. За спиной хореографа уже начинался танец. Танцоры труппы Bejart Ballet Lausanne разминались, постепенно «врастая» в образы.

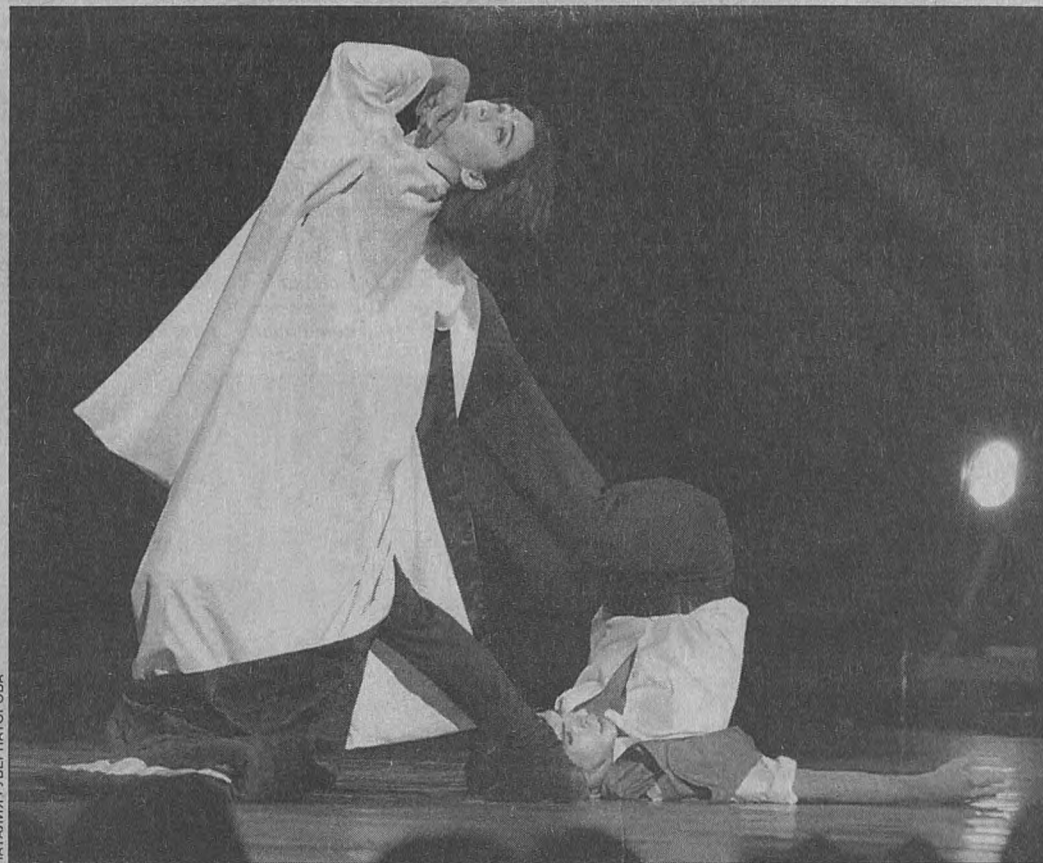
Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

Они высыпали на сцену все сразу — эльфы и повстанцы, поэты, шаманы, чудовища и светские красавицы. Многообразие ликов, рой идей, красок, звуков, движений — космос Мориса Бежара. Четыре балета, отобранные для гастрольной программы, — четыре этапа грандиозного пути и четыре «времени года». «Жар-птица» с ее наглым весенним натиском, палящее солнце «Болеро» Равеля, светлые улыбки ранней осени «Концерта для скрипки» Стравинского, «Брель и Барбара», похожие на зимние размышления у камелька.

Многие судачат, что Бежар уже не тот. Когда-то потрясал основы и сводил с ума, теперь, мол, умильно повторяет пройденное. Конечно, он стал другим, большой художник не может не меняться. А новую балетную вселенную открываю только однажды. Но Бежар на то и Бежар, что мо-

жет позволить себе все что угодно. Может озадачить нарочитой простотой, ввести в недоумение заведомой глупостью, заморочить голову чрезмерной любовью к философии. И в то же время удивить по-юношески игривым юмором и неисчерпаемой выдумкой (не верьте тем, кто говорит, что в семьдесят пять балеты уже не ставят), умением нагнетать интригу и обрывать действие на самом интересном месте.

Может начать с шутки, а кончить трагедией. Как в балете «Брель и Барбара», одном из своих последних сочинений. Артисты Bejart Ballet Lausanne танцуют его на песни французских шансонье Жака Бреля и Барбары. Но начинают не под музыку. Жиль Ромен и Элизабет Рос прикладывают движения к болтовне, записанной на фонограмму. Кокетливый вопрос, позерский ответ. Пролог балета так и называется — «Интервью». Она судорожно взбивает прическу и смешно поправляет очки. Он жестикулирует

В Кремле показали «Лучшее Бежара»

ет выразительно и крупно, приседает, как Арлекин, и вертится беспокойной юлой. Через миг

партнеры скинут маски. Он будет Брелем, она — Барбарой. Станцуют о творческих муках и оди-

ночестве, о счастье и тшете всего и вся. Одна проникновенная песня сменяет другую. Шансонье то

сами себя уговаривают в том, что все будет хорошо, то ничему не верят. Под «Вальс в тысячу темпов» движется безумный кордебалет — то ли куколочки из старинных часов, то ли ноты и буквицы, то ли черные и белые клавиши. Беснующаяся толпа сминает одинокого барда.

Бежар любит публику и знает, как ей потрафить. После «Болеро» — безусловного шедевра 1961 года, зал стонал от восторга (хотя Октавио Стенли танцевал партию солиста несколько формально). Мастер заряжается от зала, возвращая ему в сотни раз усиленную энергию. В мемуарах «Мгновение в жизни другого» Бежар уподобляет аплодисменты витамину С.

Тем не менее тема «художник и толпа» волнует и мучает балетмейстера всю жизнь. Об этом он ставит все свои такие разные балеты. Его герой — вождь, диктатор, божок и идол («Жар-птица» и «Болеро»). Или современный Пьеро, получающий пинки со всех сторон («Брель и Барбара»). Или прима-балерина, безжалостно брошенная и партнерами, и поклонниками («Концерт для скрипки»). Мудрый и великий Бежар как никто знает, что от возлюбленной публики можно ждать чего угодно. К слову, москвичи, заполнившие гигантский Кремлевский дворец, устроили балетмейстеру настоящую бурю аплодисментов.

НАТАЛИЯ ГУБЕРНаторова

Известия. — 2002. — 9 дек. — С. 8.